
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XI

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова (1883—1943)

St. Petersburg
2013

Лувсандамбын Дашням¹

Три часа с чотгором (Рассказ-воспоминание)

Этот свой рассказ я начинаю со слов о чотгоре, думаю словами о нем же и закончить. Он сам вот что мне сказал: «Люди сталкиваются с чотгорами, некоторые даже дружбу заводят, но скрывают это. Без чотгора люди жить не могут. Удивительно, что они до сих пор не научились различать, друг он им или враг».

И действительно, кто такой чотгор, какая внешность, какой нрав у этого существа? — нелегко сказать определенно. И почему я, столкнувшись с чотгором лицом к лицу, столько просидев с ним рядом, не могу теперь сказать, не знаю, к счастью это было или к несчастью. Много позже до меня дошло, что просидел я с ним ровно три часа.

Первый час мы оба ничего не говорили. Будто выслеживая, подстерегая друг друга, сидели безмолвно. При этом в тот момент я не был напуган и не думал, почему я жив или как мне сохранить свою жизнь. Не знаю, у всех ли так, кто сталкивается с чотгором, или нет. Как бы там ни было, кажется, это не то, о чем все мечтают.

Мы начали разговор очень тихо, почти неслышно для других.

— Ты ведь человек?

— Да, а кто же еще?

— А Вы чотгор?

— Ага!

Так поговорив, опять оба замолчали. Я не потерял сознания, только спина вдруг похолодела и стала влажной. Должно быть, холодный пот прошиб.

Я вообще-то человек не робкого десятка, расхрабрился:

— Тебя как зовут? — спросил.

¹ Л. Дашням — поэт, прозаик, общественный деятель, родился в 1943 г. в сомоне Тувшурлэх Архангайского аймака. В 1967 г. окончил Московский государственный институт международных отношений, кандидат экономических наук. Л. Дашням вступил в литературу в начале 70-х гг. У него вышло более десяти сборников рассказов: «Молодая трава», «Цветы Бурхантая», «Тайна любви», в 2012 г. вышло трехтомное собрание сочинений. В последние годы излюбленные жанры — хайку и афористика.

Моего чотгора вопрос, кажется, поставил в тупик, или он взволновался оттого, что пришлось случай назвать свое имя, как-то весь скрючился, сморщился, замялся...

— Определенного имени у меня нет. Мы исконные элементы природы. Обычно мы не любим расчленять что-то и давать каждому прозвище. Ну а ты вот знаешь имя чотгора?

— Если подумать, то одного определенного имени я тоже не знаю. И по правде сказать, какая разница между ними всеми, не знаю — чотгор, шулам, азад, айсхи, албин, тийрэн, буг, мам, ороолон, чаралба, далх, дүд, дүйрэн, ёдор, савдаг, сазар, сүг — пятьдесят-шестьдесят имен могу назвать. Бирд, битар, бузар, булай, гайс, дайрлага — чотгор ли это или нет, я не знаю...

— Ты хороший человек. Потому что ты сам ничего не знаешь, а говоришь то, что говорят люди. Люди именно такие и есть. Они любят говорить не то, что знают, а то, о чем не знают, еще и радуются при этом. А это значит, что они живые! А мы не хотим знать того, чего не положено, — это наша жизнь, жизнь этого мира.

— Ну, а если по правде, есть разница между чотгорами или нет?

— Единое может стать множеством, множество — единым. Вот мы с тобой появились из ничего, из небытия. Вы уши, глаза, руки и так далее все называете. Так же и человеку, и чотгору во вселенной можно дать одно общее имя. Человек и чотгор могут поменяться местами. Поменявшись, [можно] опять назвать. Тогда найдешь разницу, нет? Попробуй!

— Как это поменяться?

— Люди быстро обучаются пустому (несуществующему) и это смогут. Между словами «человек» и «чотгор» очень незначительное различие. Одни дают имена тому, что есть, так люди делают. А другие дают знать о том, чего нет. Чотгоры таковы!

— Чотгоры всегда дают знать о чем-то плохом?

— Считается, что о плохом, но на самом деле во вселенной нет ничего плохого. Всему давать имена, названия и прозвища — хорошее... плохое... в обы-

чае людей. Мы, чотгоры, во всем видим хорошее, к любым явлениям по-хорошему относимся.

— Тогда почему вас считают дурным?

— Это все люди. Человек свое дурное скрывает и валит все на чотгоров. Ты сам-то подумай. Когда все хорошо, чотгор ведь и не показывается.

— Получается тогда, что я плохой человек...

— Это потому, что со мной встретился и сидишь вместе?

— Ага.

— Ты не плохой человек. Ты человек, который стал плохим!

— Поэтому я и узнал чотгора, сижу и говорю с ним?

— Так думать можно. И не так тоже можно.

— После этих слов мне так не по себе стало, помню. Я как будто начал понимать, как чувствует себя человек, который слышит, что он плохой, стал плохим. Стыдно стало...

Я опять замолк. Чотгор тоже молчал.

И тогда его как будто вдруг осенило:

— Не надо отчаиваться. В жизни никогда не стоит отчаиваться. Когда видишь признаки бытия, что бы ни было, нужно радоваться. В этом все и заключается. Я, к примеру, ужасно радуюсь тому, что стал чотгором. Самое главное — необходимо существовать. «Причина, чтобы быть, найдется», — говорят люди. Это очень мудрые слова. Дело не в том, что причина найдется, а в том, что способ взаимодейст-

вия с сущим найдется. Ты все способы освой, тогда все у тебя будет прекрасно. Найти способ мы, чотгоры, вам и помогаем. Не грусти! Если к себе будешь относиться с пренебрежением, все провалится! — он говорил это с жаром и вместе с тем будто насмешливым голосом, так странно звучащим. Спина у меня опять похолодела.

— Я хозяин всего! — сказал он величественно, чеканя каждое слово, будто гипнотизировал меня.

Я дрожал от страха. Нельзя было понять, где, собственно, находится чотгор. Вроде был сначала передо мной, а сейчас уже будто за спиной оказался. И тогда я понял — то, что находится за спиной, еще страшнее. Так пришло осознание того, как тяжело находиться рядом с чотгором.

Хотя я и не понимал, где он сейчас, но все же сказал:

— Чотгор, не убивай меня! Я хоть и плохой, но жить хочу! — так я попросил. И сам не знал, вышел ли звук из моего горла или нет.

На плечо что-то как будто слегка надавило. Что-то нежное, бархатистое. До ушей, казалось, донеслось его дыхание... Это точно был чотгор.

— Не болтай! Тихо сиди! Тебе повезло, что был вместе с чотгором... Не забывай! — сказал он.

Теперь я знаю, что представляет собой чотгор. Но сказать по-прежнему не могу...

Перевод с монгольского А. Соловьевой

Т. Баянсан²

Голод и пустота

Ганба злился на бурундука — тот сидел на вершине большого кедра и азартно грыз орехи. Он выбрал несколько камней, подполз к дереву и стал ждать, пока бурундук спустится.

Но бурундук, словно угадав намерения Ганбы, перепрыгивал все выше, с ветки на ветку, роняя пустые шишки на голову бедняги Ганбы. Казалось, зверек издевается над человеком. Ганба бросил в него камень. Отлетев от большого кедра, камень бумерангом вернулся и со всей силой ударил его по голове. Совсем как в поговорке: «Брошенный вверх камень упадет на голову». Ганба прошептал: «брошенный камень», отряхнул его от грязи и пыли, вырыл небольшую ямку и засыпал землей. Ганба почувствовал, что совсем выбился из сил. Он так отощал за эти дни, что даже уши торчали, скулы заострились,

как у худых йогов. Увидел, как белка и бурундук дерутся из-за ореха, и его лицо исказила гримаса.

— Вот судьба: умереть от голода, — грустно прошептал он, — человек не должен гоняться за бурундуком, мечтая о кусочке мяса. Хотя и не должен, а все же оказался в такой ситуации.

— Это сон, — думал он, мечтая, чтобы эта часть его жизни оказалась сном, после смерти мысли становятся ясными, а сейчас от голода все путается в голове, ничего не понимаю.

Измученный Ганба лежал, наблюдая за белкой и бурундуком.

Жена, когда-то дорогой и самый близкий человек, сейчас вызывала только ненависть и злость. Она любила повторять: «Да будет тебе, перестань». Страшный голод. Нет мне покоя, а все из-за нее, этой рыжей, — мысль о жене гвоздем застряла в голове...

До сих пор он никогда не ревновал жену. Хотя она была привлекательной женщиной, но он ее не ревновал. Себя всегда ставил на второй план, не думал о себе. Поэтому, может быть, и не ревновал. Но сейчас ревнует... Как бы мужчина ни сердился, все равно он все понимает и обо всем догадывается. На-

¹ Төрийн Баянсан (род. 1969) — автор нескольких поэтических книг и сборника рассказов «Хоосон идэгч» («Голод и пустота»). Мастер короткого рассказа, его произведения неизменно входят в шорт-лист конкурса на лучший короткий рассказ «Утгын чимэг» в последние несколько лет.

до же было такому случиться — лежи тут и помирай от голода. Теперь он ревновал жену к ее сытой и спокойной жизни. Представил, как она сидит за столом, и разлился еще больше, резануло по сердцу, глаза заволкло пеленой.

Будто и не было в жизни дня, чтобы сытый Ганба отодвигал от себя еще полную тарелку еды. Воспоминания кружили ему голову. Пустой желудок болел. Ганба закрыл руками уши, чтобы не слышать возни бурундука.

— Ах, знал бы, что придется голодать. Желудок бы себе подлечил. Я не голоден. Я только недавно съел кусок жирной баранины. Объелся до тошноты. Очень много съел. Я сыт. Я не хочу есть.

Ганба на мгновение смог забыть про голод. Обрадовался, что не голоден, но живот снова начал требовать еды, опять заныл. Ганба скрестил тонкие руки, положил голову на землю: небо, солнце, трава — все смешалось и закружилось перед ним. Ганбе стало трудно дышать, он потерял сознание.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Ганба пришел в себя. Он приподнялся, рядом стоял волк. Хищник смотрел прямо на него и облизывался.

«Наверно, так и должно быть. Через секунду он меня схватит, не будет церемониться. Это смерть». Ганба на мгновение забыл о голоде, уставясь на волка. «Сейчас зверь съест меня. Интересно, с чего начнет. Вот бы с ног. Все равно не могу подняться».

Несколько месяцев назад к ним приехал тесть, хвастался, какой прекрасный у него желудок. «Не будет у человека никаких болезней, если он съест желудок волка. Сила молодая придет, — так тесть говорил. Любой другой желудок, другого зверя, не поможет, только желудок волка».

Ганбе стало жарко, он сбросил с себя тряпку, которой укрывался. От напряжения весь взмок, как мышь. Грудь давит. Если бы Ганба однажды отведать желудок волка, то сейчас, возможно, не попал бы на обед к хищнику. Таков нрав этого мира.

Несколько секунд Ганба смотрел волку в глаза и думал, каким блудом он для него представляется: буз, хушур, цуйван, элег или гуляш. «Как же он собирает меня есть? Нет, я бантан. Меня быстро готовить, легко съесть».

— Я бантан, бантан, — тихо прошептал он, — вот бы это был волк, который не любит бантан. Если бы я был орехом, что бы со мной сделал этот плохой волк? — будто заклинание шептал про себя Ганба. — Нет, я не орех. Не считается. Не перешагнет. Три дня прошло. Подлый жирный бурундук. Все-таки лучше, чтобы меня съел хищник, а не толстый бурундук. Я бантан. Что если волк пройдет мимо меня? Это будет позор. Нет-нет, нужно понравиться волку. Но как? Если я умру, кто обрадуется, а кто опечалится? Все останется по-прежнему. Никто не обрадуется моей смерти: неинтересно жил. Правда, есть несколько человек, которые станут горевать по мне. Прежде всего дети. Эти замарашки обыскивали мои карманы, будто я с конфетной фабрики пришел.

Жена на меня, помню, смотрела, казалось, что вот-вот заплачет. Один раз напился так, что не стоял на ногах. Меня ограбили и избили два бандита, притворившись таксистами. Пришел в себя на кладбище Алтан-Улгий, лежал в крови. Когда жена увидела меня, попросила, чтобы я больше не напивался. «Если ты умрешь, как я буду жить?» — тихо сказала, погладив мои взъерошенные волосы.

Ганбе казалось, что они с женой в то время красивые слова друг другу говорили. Не было ни в чем разногласий, даже в букве. Ганба покрутил головой, поводил туда-сюда подбитым глазом.

— Я человек, который при жизни попал на кладбище известных людей, не барахло какое-нибудь, получил право посетить Алтан-Улгий, — продолжал шутить он. Жена провела рукой по лицу и прошептала: «Бедный мой». Ганбе понравился разговор, и он продолжил:

— Живой алкоголик лучше мертвой знаменитости. Смог сбежать оттуда, откуда не возвращаются, домой вернулся, — он засмеялся, но вдруг застонал от боли.

Вспомнив все, он подумал, что если умрет, то жена расстроится. Волосы взъерошены, голос пропал из-за слез — лучше уж умереть. Что сделал в жизни, что говорил, где был — все можно вспомнить. «Было бы хорошо, если кто-нибудь бы расстроился из-за меня».

— Я хороший человек! — закричал Ганба, ему снова стало плохо.

Волк в одно мгновение прервал его рассуждения, оскалил зубы, шерсть встала дыбом. Зверь своими красными глазами уставился на Ганбу.

Ганба подумал, что вот и пришел час смерти, сейчас он навсегда расстанется со своими мыслями: «Он начнет есть меня с ног. Люди говорят, кажется, с шеи они начинают грызть. Наверное, щекотно. Я боюсь щекотки. Интересно, вкусный ли я, хватит ли ему меня насытиться или нет? Я не хороший человек. Мы с ним под одним небом ходим, а он меня убьет. Но у волка же другая судьба?»

Ганба зашел в тупик со своими рассуждениями. Он до смерти устал, ему бы сейчас быстро, в один прыжок, подняться и побежать в сторону гор. Но он лежал без движения, а этот чудной волк, хороший или плохой, неизвестно, о чем думал. Разве может такое случиться с человеком? С другими разве может такое приключиться? На рынке можно услышать: «С лицом волка у вас много возможностей». В голове Ганбы будто работал мотор от машины, работал и нагревался. Много-много оборотов: мыслям стало тесно, а он за ними и не следил. «Если есть о чем подумать, то и хорошо. Останусь жить, буду о красивых вещах думать. Может, есть возможность и не умереть. Смерть в другой раз придет». Показалось, что кто-то ползет по телу. Муравей. Ганба испугался за муравья, вдруг он тоже умрет.

Если поднять голову, то можно увидеть горящие глаза волка. Как заправский актер на сцене, волк, не мигая, смотрел на Ганбу, потом он на два шага от-

ступил, вытянул шею, открыл пасть и завыл. Шерсть встала дыбом, одним рывком схватил бейсболку Ганбы, отбросил ее, потом обошел кругом. «Мистика какая-то! Кепки эти на выборах раздавали, я тоже схватил одну, на ней была надпись „За Доржбала“». Ганба взял бейсболку: «Шапка для выборов, какая от нее польза?» Натянул на голову: «За Доржбала, за него... в этих горах, видно, придется умереть». Вот напасть какая!

Волк закрыл глаза, Ганбе послышались чьи-то шаги. Его друзья орехов насобирали не один мешок и уехали. Оставили его здесь, велели стеречь, пока не вернется с машиной, обещали на другой день приехать. Но он лежит тут в лесу уже десятый день...

Послышался звук мотора. Ганба прошептал: «К черту вас всех».

Перевод с монгольского О. Сапожниковой

Б. Догмид¹

Монгольский характер

Когда я был еще маленьким, в наших краях жил один русский, которого звали Дорж. Как ни посмотреть, настоящий русский. Сейчас и не знаю, есть ли у детей хотя бы его фотография, кто и где его похоронил, когда он умер. Все затуманилось, словно сон, давно это было. История русского, жившего в Алтанширэ сомоне, вспоминается мне всегда с особой печалью. Русский, с орлиным носом, голубыми глазами и светлой бородой, казался нам таким высоченным, ростом чуть ли не с верблюда. Вы только представьте, дорогие читатели, русского человека, одетого в хромовые сапоги 45-го размера, с хадаком и щеткой за поясом, засовывающего себе за голенище халцедоновый мундштук. Теперь иной раз, как вспоминаю, кажется, что некоторые черты его лица имеют много сходства с чертами лица молодого Сталина. Не говоря о том, что в нем текла русская кровь, он казался настоящим монголом, привлекал взгляды проезжавших мимо всадников. У нас его называли только Русский Дорж, других прозвищ у него не было. Еще в детстве, когда мне приходилось видеть Доржа, у меня сердце трепетало от сочувствия, и я ужасно злился на тех презренных гадов, которые выкрали его у родителей и увезли с родины.

Спустя некоторое время после революции, в 1928 году, он с несколькими простолюдинами водил караван и так оказался в Кяхте. Таким образом он дошел от Восточной Гоби до северных границ. В наших краях уже не осталось ни одного здравствующего человека, кто мог бы про это рассказать. Сама история превратилась в легенду.

Караванчики всегда заезжали в Ар хиаг, отдыхали там и давали передышку верблюдам, проводили несколько дней в русских селах, бывали в христианских храмах, на кожевенных заводах и суконных фабриках. Однажды на глаза Русскому Доржу попала красивая русская девушка. А про жену и детей,

оставшихся дома, он забыл. Тогда он пришел в храм, поклонился распятию и стал молиться, чтобы забыть красивую русскую, просил прощения за свой грех. Но пожар любви в своем сердце он так и не погасил.

А потом, собрав все товары, караванчики вышли на дорогу из Ар хиаг. Когда достигли границы села, увидели, что за ними, не отставая, бегут два трехлетних малыша, которые заинтересовались верблюдами. Они чуть не попали под копыта верблюдов, и караванчики рассадили их на спины груженых верблюдов, на накидки. Сверху дети смотрели вдаль, где земля сливается с небом, мирно покачиваясь от мягкой походки животных, что-то лепетали, пищали и, надышавшись свежим воздухом, уснули как убитые. А рано утром караванчики так торопились, что забыли про спящих на накидке детей. Только когда настал вечер, они вспомнили про тех малышей.

Если кто-то их нашел, то уже унес далеко, решили жители села, как будто ничего не случилось. Если их кто-то подобрал, то в будущем они, возможно, будут с кем-нибудь, кто пасет овец. А хромые верблюды не выдержат, не пойдут далеко по заснеженной и скользкой дороге. Мать этих детей скучала по ним, стала жить с каким-то другим иностранцем, пришедшим с севера.

А несколько парней, которые были в том караване, говорили, что привезли двух хороших русских малышей. Между собой они говорили по-русски, но никто не мог понять, о чем они говорят. Из далеких краев стали стекаться люди. Им было интересно посмотреть на этих малышей, которые бродили из аймака в аймак вместе с привезенными караванчиками товарами, зеркалом и расческой. Однажды к караванчикам пришли чьи-то родители и сказали: «Что же вы наделали, украли детей, разлучили их с родителями. Как лето придет, верните детей их родителям!» Но караванчики их не послушали.

Человек, который с детства разлучен с родителями, знает, что такое страдание, и боль со временем только сильнее становится. А эти двое детей трещали между собой на непривычном русском и по-монгольски ни слова не говорили. Поэтому их разлучили и отдали на воспитание разным людям в раз-

¹ Творчество Балджирин Догмид (р. 1945), уроженца Восточногобийского аймака, лауреата Госпремии, отличается тонким лиризмом, его героями чаще всего становятся мужественные, неунывающие сельские жители гобийских мест.

ные края, так что больше они не видели друг друга. Вот такая краткая история о том, как человек по имени Дорж, русский с монгольским именем, попал в сомон Алтанширэ Восточногобийского аймака. Русский Дорж в 45 лет пошел на войну. Его, не знающего по-русски ни одного слова, монгольские солдаты по ошибке называли «русский инструктор». Этот русский солдат в монгольской форме был удивительно похож на русского Ивана.

Мальчишку, прибывшего вместе с Доржем, местные прозвали Сундуй. Он очень рано обзавелся семьей и детьми, отправился в Улан-Батор и пропал. Едва Доржу стукнуло 20, его друзья, с которыми он вместе рос, играл, сказали ему: «Ты иди в Ар хиаг, ищи своих родителей, братьев, сестер. Самое главное для тебя встретиться с родителями и родными». Хотя ему это говорили не один раз, он так и не пошел. А некоторые говорили, что он, возвращаясь с войны, заходил в Ар хиаг, но никого там не нашел. Он ведь был ребенком «белых», сбежавших от революции. Дорж, после того как отвоевал, прославил звание мастера, приехал лихим парнем на ретивом коне, слегка подвыпивший, громко распевая «Черный ворон». Люди видели, как он сидел и вытирал слезы, вспоминая о жене и детях. Привязал быстрого коня, набрал айрага, привез около десятка коней и погнал их на сомонный наадам через соседский редкий лесок. Говорят, он стрелял по детенышам животных и по птицам, орал на геологов и разведчиков по-монгольски, отбирал овец, при этом ничего не платил. Люди об этом постоянно говорили.

Однажды он встретился с командиром, приехавшим во время войны, чтобы отобрать подготовленных для фронта коней из Монголии, и сказал через

переводчика: «Я хочу с вами пойти и воевать против немцев. Монгольский конь и омонголившийся русский — это не такая уж плохая пара», — сказал он. Он был очень крупным, с длинными ногами и на какого бы коня ни сел, выглядело так, будто он сел на годовалого жеребенка. Этот русский, не знавший ни слова на своем родном языке, часто выглядел очень печальным. «Ведь нас с Сундуйем в один прекрасный день в зимнюю стужу спрятали и из Хиагта увезли. Где это было, как звали тех людей, — говорил он, — когда подумаю, что мог бы увидеть лицо своей несчастной матери, слезы из глаз бегут». Но кроме этого единственного раза Дорж больше никогда ничего не говорил.

Этот Нусгай Шар, этот гад так подшутил над судьбой этих двух детей. Не знаю почему. Но со стороны спокойный, мирный, одинокий, не приносящий никому вреда русский, казалось, растрасчивал человеческую жизнь зря.

Жизнь Доржа можно описать в одном коротком рассказе. Но когда решил написать его, ничего высокого в голову не приходило, когда решил забыть — все равно всплывало все это в мыслях. Что же это такое... Возможно, то, что держишь в руке, никогда не будет в груди. «Я человек, который попал в Монголию, чтобы напоить скот, пришедший к колодцу Дош. Вода там непростая, ее можно пить лишь из золотой чаши». Нет ничего более благодетельного на этой земле, чем напоить жаждущий скот, я думаю. Дорж был человеком, который любил говорить: «Мы, столько прочитавшие, как же нам не спасти скот от жажды».

Перевод с монгольского Т. Подольской